

Политика и Общество*Правильная ссылка на статью:*

Скиперских А.В. Политическая масса: метафоры и метаморфозы // Политика и Общество. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.1.39909 EDN: TIWANZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39909

Политическая масса: метафоры и метаморфозы**Скиперских Александр Владимирович**

ORCID: 0000-0001-8587-7415

доктор политических наук

профессор, кафедра философии и социальных наук, ЕГУ им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Свердлова, 13, кв. 27

A black and white photograph of a man with short hair, wearing a patterned shirt, sitting in a chair and looking towards the camera. He is positioned next to a bookshelf filled with books.
✉ pisatels@mail.ru[Статья из рубрики "ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0684.2024.1.39909

EDN:

TIWANZ

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2023

Дата публикации:

31-03-2024

Аннотация: В данной статье предпринимается авторская деконструкция политической массы на примере современной России. Целью исследования выступает концептуальный анализ политической массы. Объектом исследования выступает политическая масса, выступающая одним политическим целым. Предметом исследования являются метафоры и метаморфозы политической массы. Политическая масса – целое, составленное множеством малых частей. Это – совокупность политических субъектов, представленных противоречивыми и балансирующими друг друга оппозициями. Автор подробно рассматривает сложную структуру массы, которая приводит к различным определениям массы в политическом дискурсе. Автор считает, что несмотря на скрытое субъектное начало, масса предполагает собственную подчинённость влиятельному актору. Масса зачастую противопоставляется власти, которая контролирует массу и управляет ею. Вместе с тем, политическая практика полна ситуациями, когда излишнее разрастание

массы может сделать её поведение непредсказуемым и рискованным для власти. В данной статье автор подтверждает этот тезис на примере различных сюжетов из российской политики. Основным выводом в рамках проведённого исследования может быть взгляд на политическую массу как сложное и структурированное образование. На первый взгляд, выглядящая аморфной и лишённой политической воли, нуждающаяся в толчках, усилиях извне и воле своего господина, политическая масса, обладает достаточно серьёзным разрушительным потенциалом. Масса не всегда выражает волю власти. Периодически следует отмечать рост субъектности политической массы, когда она может напрямую участвовать в решающих моментах истории. В периоды революций есть все основания отмечать его. Автор считает, что политическая масса может напрямую участвовать в политическом строительстве и изменять существующие диспозиции политических акторов. Политическая масса может конструировать собственную элиту и легитимировать её. Научной новизной выступает анализ концептуальных метафор, в которых рефлексировался феномен массы в зависимости от результатов политического развития.

Ключевые слова:

власть, легитимация, номенклатура, Россия, русская культура, политическое пространство, СССР, масса, революция, метафоры

Введение. Метафоры массы: историческая концептуализация

В политическом дискурсе массе отводится не совсем респектабельное положение. Платон отводил массам самую низшую ступень в социальной иерархии. Масса – преимущественно землевладельцы и ремесленники, которым в кровь примешана медь и железо, в то время, как стражам и мудрецам-правителям – серебро и золото соответственно. При этом, по Платону возможности вертикальной социальной мобильности у представителей низшей социальной страты существенно затруднены [14].

Масса обозначается и уничижительными определениями. В римском политическом дискурсе масса – плебей, плебс, не обладающий политическими правами на контрасте с более влиятельными и благородными патрициями. Видимо, не просто так потребности плебса достаточно предсказуемы и низменны. Плебс желает «хлеба и зрелища», равно, как у Платона, представители низшей страты так же зависимы от обогащения, перед искушением которого стражи и философы-правители сохраняют разумность и хладнокровие.

Со ссылкой на крупного специалиста в эпохе Возрождения Л. Баткина, М. Хереш отмечает, что в данный период невежественные люди могли противопоставляться умным, ведь «чернь – согласно гуманистам, постигает истину в популярной, наивно – буквальной форме, тогда она становится для нее доступной» [21, с. 10].

Неслучайно, общества Средних веков могли получать карнавальные описания. Именно в период карнавалов и праздников жизнь переворачивалась, уравнивая субъекта и объекта власти. «Атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из её обычной колеи», – писал М. Бахтин [1, с. 485].

Жизнь народа протекает между двумя полюсами – воздержанием и праздником, выступая битвой масленицы и поста, когда-то изображённой П. Брейгелем.

Показательно замечание Р. Будагова о том, что первом академическом издании словаря французского языка слово «народ» (people) используется «для обозначения наименее достойной части населения страны», но в издании 1798 г, последовавшем за событиями Великой Французской революции, слово «народ» связывается с очевидными уважительными коннотациями. При этом говорится о «величии» народов и об их «величественности» [\[2, с. 152\]](#).

Масса может проникаться идеями, подключающими её к политической повестке. Период Просвещения в каком-то смысле открывает ей такую возможность [\[19\]](#). Народ постепенно начинал понимать, что «он суверенен, но еще не верил этому» [\[21, с. 132\]](#).

Концептуальная система, в которой мы мыслим, по мнению американских теоретиков метафоры Д. Лакоффа и М. Джонсона, "носит принципиально метафорический характер" [\[22, с. 8\]](#).

В русской культуре массы концептуализируются чаще пренебрежительно. Зачастую, массы сравниваются со «скотом», «быдлом», «баранами», «стадом». Животные ассоциации неслучайны, так как показывают зависимость массы от подчиняющего начала, от сильной и жёсткой руки, направляющей их. Властвующая рука ещё и собирает с массы дань за управленические процедуры. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, народ – «чернь, простолюдье, низшие податные сословия» [\[5, с. 451\]](#).

При этом масса исключает следование разумному мнению кого-то из её широких слоёв. Наверное, именно это и имел ввиду М. Пришвин, когда говорил о том, что у отдельно взятой личности есть опасность раствориться в массе, стать подчинённым ею. Подобную угрозу он называл «отатариванием» [\[15\]](#).

Массу в русской культуре прекрасно описывают и литературные метафоры, демонстрируя её остраненность. «Компания была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразием, но и безобразием. Некоторые входили так, как были на улице, в пальто и в шубах», - именно так описывает компанию Парфёна Рогожина в «Идиоте» Ф. Достоевского [\[6, с. 101\]](#). Масса – «ташкентцы» - носители определённого стиля жизни, культуры, которая «выглядывает наружу из-под самой искусственной гримировки» [\[16, с. 104\]](#).

Критика народной массы на какой-то момент времени затухает в советский период, потому как коннотации народа начинают облагораживаться за счёт его великой исторической миссии. Масса даже героизируется в советской культуре, воплощаясь в различных формах искусства: от скульптуры – до кино.

Единодущие массы никуда не уходит в период демократизации после распада СССР. Это чувствуется в тот момент, когда необходимо принимать личное решение на фоне роста количества политических институтов и появления политической конкуренции.

В демократический период стало понятно, что люди готовы отдать свой голос за бутылку водки, за продуктовый набор, за определённую сумму денег. Голосование всегда в той или иной степени рационально. Только рационально ли поступили россияне, в большинстве своём проголосовавшие за партийный список ЛДПР на выборах в I Государственную думу в 1993 году? Всякий раз подобные практики отвращают массу от проигравшей оппозиции, решившей честно и в силу своих небольших возможностей сыграть с государством по правилам самого государства. Народу отказывается в способности действовать коллективно и подчиняться какой-то благородной идеи.

Отсюда, в России, производятся новые метафоры массы. В частности, что народ – это «сто сорок восемь миллионов людей, объединённых в лучшем случае единым паспортом» [\[10, с. 10\]](#).

В момент активизации протестного движения в России в начале 2010-х гг. оказалось, что масса так же не готова к серьёзным переменам. Охранительная повестка оказывается более предпочтительной. Масса замирает в своей решимости дистанцироваться от перемен. Помимо армии и силовиков, охраняющих государство, на его стороне оказываются и армии бюджетников и "офисного планктона".

Метаморфозы массы

Концептуологические упражнения, предпринятые нами выше, показывают, как масса может выступать носителем многочисленных свойств. Способности массы по-разному капитализируются властью. Правда, в определённые периоды истории масса обращается и против власти. Разогретая какой-то популярной идеей, если следовать Э. Канетти, масса легко может превратиться в преследующую массу, и тогда может не поздоровиться самой власти. Масса приветствует казни монархов, легко становясь участником политического спектакля. Улюлюкающая толпа жаждет кровавой расправы, хотя это сложно было бы представить себе какое-то время назад. Масса легко перевоплощается. «Красная» масса меняется на «белую». И наоборот. Как только город становится «красным», тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы», пишет И. Бунин в «Октябрьских днях» [\[3, с. 65\]](#). Страх преследующей массы заставляет правителей и провинившихся политиков покидать свои страны. Вплоть до настоящего времени некоторые политики живут в эмиграции, наверняка, выжидая момент, когда в их государствах поменяются политические режимы на более лояльные к ним.

Большие размеры массы, складывающейся из отдельных фиугр-элементов, могут обладать удивительной эстетикой и зрелищностью. Именно такой свойство массы могло задействоваться тоталитарными режимами, периодически дарившего обществу праздник. Что-то подобное мы видим в моменты парадов физкультурников в СССР, когда отдельные люди вдруг неожиданно смыкаются друг с другом в причудливых спортивных пирамидах. Такие же эксперименты с человеческой телесностью можно увидеть и в Германии 1930-х гг. Вожди испытывают склонность к конструированию масс, к их лепке. Масса способна преобразовываться в орнаменты. Их «носителями являются обычные человеческие фигуры», как заметил германский теоретик культуры З. Кракауэр. [\[9, с. 42\]](#).

Тоталитарные режимы экспериментируют с различными архитектурными формами, которые отвечают необходимостям большой массы, учитывая её потребности и физические свойства. Именно архитектура красноречивее всего говорит о доминирующем типе политического режима. Что-то подобное мы увидим в сталинском конструктивизме, огромных, гигантических проектах А. Шпеера в Германии 1930-х гг. Неслучайно, на А. Гитлера в своё время произвели огромное впечатление египетские пирамиды, олицетворявшие собой незыблемость и долговечность. Именно пирамиды, «сооружения из камней, свезённые и сложенные трудом бесчисленных людей, являются символами массы, которая больше не распадётся» [\[9, с. 69\]](#).

Неслучайно, что все огромные стройки связаны с прямым участием в них большой массы. Нельзя сказать, что масса участвовала в строительстве насилию. В каком-то смысле это было и искреннее желание, идеологическое решение. Принятию подобного решения способствовала и культура, значительно поэтизировавшая народные стройки.

Вспомним, как воспевал строительство города-сада в советском Кузнецке (Новокузнецк) В. Маяковский. Достижения раннего этапа строительства БАМа можно увидеть в поэме А. Твардовского «За далью даль». Склонность массы к метаморфозе подтверждается её участием в советских стройках как по зову партии, так и по личному желанию.

Но масса конструируется не только как масса, отмеченная трудом по воле власти, в следствие полученного политического задания. Массы заключены в лагеря, массы депортируются и осваивают новые земли, где начинают новую жизнь. Способность массы к преображению, к смене своего состояния целиком и полностью диктуется властью. Масса может двигаться и замирать, может перемещаться в обратном направлении. Масса может метаться между вождями в кризисные моменты истории, моментально обращаться в вере и симпатиях к оппонирующим друг другу политическим силам.

Революционная масса

Огромные возможности мобилизованной массы скрываются в её способности выступать ключевым актором изменений. С огромной массой нет возможности не считаться. Её размер не определён; масса склонна расти до бесконечности, до невероятных размеров, как отмечал Э. Канетти [\[7\]](#). Большие массы, вышедшие на арену мировой или национальной истории, всегда заметны в своём политическом творчестве, даже если результаты этого творчества с трудом оцениваются как позитивные. О субъектности больших социальных групп уже высказывался польский политолог М. Карват [\[8\]](#).

Возможности массы выступать субъектом изменений связываются с ростом популярности марксистского учения. Именно там, где сконцентрирована масса, есть смысл поднимать её на борьбу против угнетателей. Это не могли не чувствовать революционеры – от Г. Бабёфа – до И. Сталина. В России, революционной энергией были охвачены многие точки скопления массы. Как правило, это были предприятия, фабрики, железнодорожные мастерские, промыслы. Исследователи отмечают, что «в 1908 г. в Баку было порядка 47000 рабочих-нефтяников, которых было необходимо поджечь на революционный протест» [\[23, с. 93\]](#). Подъем большого количества массы, как правило, даёт свои результаты из-за внушительного физического свойства. Сила давления массы увеличивается по мере осознания массой значения собственной политической деятельности.

Революционная масса, заряженная ненавистью и необходимостью сопротивления существующему строю, ещё и карнавальна по своей природе. Масса движима стремлением ресентимента – вымещения на угнетателях злобы, скапливающейся в течение длительного времени. Причём, как уже отмечалось, вымещение злобы происходит демонстративно. «Матросы пудрят шеи, носят на голой груди бриллиант [овые] кулонь», – именно так изображает революционное творчество масс И. Бунин в уже упоминавшихся нами «Окайных днях» [\[3\]](#). «Кто был ничем, тот станет всем», – строчка из Интернационала Э. Потье прекрасно характеризует перевёрнутый мир, где восставшей массе отводится решающая роль. Именно масса начинает примерять на себе одежды своих угнетателей. Карнавальность ситуации присутствует и в тот момент, когда фароровая посуда используется для испражнения, а из рисунков А. Модильяни, подаренных А. Ахматовой, революционные матросы крутят цигарки.

В ответ на укоризненные взгляды, масса как будто бы говорит словами Г. Бабёфа, высказанными в одном из писем: «наказания всех сортов, четвертование, пытки, колесование, палки, розги, палачи, расплодившиеся повсюду, – как все это испортило

наши нравы!» [\[18\]](#).

По мере разрастания массы, её значение в политическом процессе неизбежно увеличивается. Несмотря на тот факт, что не всегда масса имеет доступ к прямому политическому управлению, тем не менее, власть начинает считаться с её эстетическими притязаниями, в её вкусом. Масса диктует свой жизненный стиль, молчаливо насаживает его в новых для себя пространствах, вытесняя культурные формы, некогда доминировавшие в нём. О культурном давлении массы в своё время достаточно убедительно высказывался испанский политический философ Х. Ортега-и-Гассет [\[13, с. 93\]](#). В частности, после революции, в СССР быстро распространился коммунальный быт, презревавший всякую собственность и унижительно реагировавший на любые индивидуалистические отклонения в пространстве коммунального.

Неслучайно в социологической традиции появляется определение массовая культура, противопоставляющееся элитарной культуре. Массовая культура лежит в основании таких культурных форм, как попса и китч. Массовая культура предполагает, что её продукты будут понятны подавляющему большинству аудитории. Это большинства, как правило, всегда хватает политикам, управляющим массой.

Бюрократическая масса

Масса не всегда представляется бесформенной данностью. Масса – не только народ, широкие слои, но и те люди, которые обеспечивают принятие и реализацию политических решений. Масса – это и те, кто отправляет практики насилия, в совокупности составляя репрессивный аппарат государства. Безусловно, хаотический характер организации властной массы при государственном управлении невозможен.

Масса может иметь свою структуру и организационную дисциплину. Масса растёт вверх и вниз, вправо и влево. Верх в политическом пространстве традиционно закрепляется за властью, и, стало быть, не имеет высокой пропускной способности. Участь оказаться наверху социальной организации ожидает не всех. Другие будут довольствоваться расположением на менее значительных позициях – масса утолщается и расширяется по мере движения вниз. Двигаться вниз – значит терять ресурсы и полномочия, поэтому в политической организации власти можно увидеть серьёзную конкуренцию, подчас замаскированную под лицеприятные и внешне доброжелательные отношения. Неслучайно, властные коридоры сравниваются с банкой, наполненной пауками. Со временем, пауки начинают друг друга поедать.

Масса становится иерархичной и начинает представляться в виде лестницы чинов и званий. Колossalный людской ресурс начинает организовываться и дисциплинироваться по мере обладания той или иной позицией в отношении к власти. Каждая позиция означает определённый уровень доступа к материальной культуре, определённый набор правил и норм, границы дозволенного. Подобная иерархия чинов применительно к имперской России, на наш взгляд, прекрасно интерпретирована Ю. Лотманом [\[11\]](#). Начиная снизу, и по мере движения наверх по 14-разрядной лестнице чинов, претендент вступает в круг всё более избранных. Соответственно, внизу данная лестница утолщается, скапливая у своего основания огромную массу бюрократического «планктона».

Бюрократическая масса скрепляется страхом подчинённого перед начальником. Низшие слои бюрократической иерархии находятся в самом уязвимом состоянии потому как проецируют на себя ещё и народное недовольство. Вместе с тем, у каждого чиновника,

встроенного в вертикаль власти присутствует неумолимое желание командовать. Таков герой чеховского рассказа «Унтер Пришибеев», которого раздражает любая способность массы организовываться без санкции власти. Находясь в отставке, унтер всё равно пытается наводить порядок, не имея для этого надлежащих полномочий, и в конце концов оказывается наказанным судебной машиной империи за самоуправство.

После революции 1917 г. бюрократическая масса Российской империи определённым образом очищается, утрясается, и позиционирует себя в новом качестве. Спрос на бюрократические навыки стал актуален и для молодого советского государства. Биографии многих людей в СССР вырастали из имперской службы – это касалось военных и гражданских чинов. Тем самым, власть демонстрировала свою непреходящую сущность, а именно невозможность обходиться без обслуживающей её массы. Вместе с тем, обслуживание нового режима требовало и определённой маскировки – бюрократическая масса всегда представляется достаточно беспристрастной политически. Неслучайно, когда происходят какие-то серьёзные изменения, именно бюрократическая масса как будто бы ничего и не теряет – новой власти всегда сложно найти адекватный по количеству и качеству административно-бюрократический штат.

Очевидно, что в ранний период развития советского государства в бюрократию (особенно на местах) приходили люди, подчас не имевшие образования. В свою очередь, это сказывалось на качестве управления. В советском дискурсе слово «бюрократия» выродилось в уничижительное, оскорбительное определение на контрасте с достаточно чётким и функциональным концептом М. Вебера. Кадровая совокупность бюрократических должностей и чинов в СССР стала называться номенклатурой – «перечнем руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган» [\[4, с. 83\]](#). Получить высокую должность вне партийного членства было невозможно, поэтому КПСС вовлекала в свои широкие ряды большое количество управленцев и специалистов. Номенклатурная лестница была напрямую связана с руководящей ролью КПСС.

Борьба за власть на самых верхних этажах власти была отмечена ещё после смерти В. Ленина и продолжалась едва ли не до распада СССР. «Пауки в банке» продолжали идти по головам друг друга, соперничая за те или иные позиции.

Как отмечает Г. Люbbe, «рост благосостояния напрямую связан с количеством необходимого для его обеспечения бюрократического аппарата» [\[12, с. 154\]](#). В свою очередь именно профессиональная легитимация подчёркивает важность потенциального претендента в системе бюрократической иерархии, его персонального портфеля и портфолио достижений [\[17\]](#). Советский период породил огромную массу чиновников и служащих, оккупировавших различные институции. Равно, как и после революции 1917 г., после распада СССР кадровый вакuum моментально заполнился бывшей советской бюрократией. Появились «красные» губернаторы и «красные» директора. Даже сегодня, несмотря на более, чем 30-летний период существования независимой России, масса власти оказывается более, чем значительной и не уменьшается, соразмерно историческому и политическому развитию.

Ниже представлена динамика численности работников органов государственной и муниципальной власти в России, начиная с момента президентства В. Путина.

Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления

В государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований Российской Федерации 1) – всего (тыс. чел.)	2000	2005	2010	2015	2020	2022
	1161,5	1462	1648,4	2176,4	2327,6	2273,8

1) Данные приведены без СВР России, ФСБ России, ФСО России, ГУСП. В итоге включены: Администрация Президента Российской Федерации (на федеральном уровне), аппараты полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах (на региональном уровне).

Источник: Росстат chisl_vetv.xls (live.com)

Как мы можем увидеть, количество массы работников государственной и муниципальной службы в РФ неуклонно вырастало, и где-то замедлилось на уровне 2022 г. Рост количества чиновников связывается с вырастающей ролью государственной машины и снижением самостоятельности частного сектора, которому становится все сложнее конкурировать с крупными экономическими игроками и самим государством. Влияет на рост количества чиновников и сокращение политического многообразия – государственная и муниципальная служба становится наиболее безопасной маской. Работать в бюджетной сфере сегодня наиболее безопасно.

Что-то подобное мы можем увидеть и в европейской практике, где самостоятельность индивида оформляется благодаря «многообразным видам государственного обслуживания» [12, с. 155]. Правда, различие с российским кейсом может быть принципиальным, потому как основная масса работы передана на аутсорсинг частному сектору.

Заключение

Таким образом, политическая масса является неотъемлемым элементом политического целого. В различные исторические периоды политическая масса играла ту роль, которую ей удавалось исполнять. В тот момент, когда она вдруг осознавала свою политическую субъектность, она могла быть ключевым политическим актором, меняя государственный порядок, форму власти и принципиально видоизменяя политический ландшафт. И, наоборот. В какие-то моменты масса осознавала своё политическое бессилие и становилась ведомой более влиятельными и авторитетными акторами. Подобное «раздвоение» массы послужило распространению многочисленных метафор, связанных с ней. В случае, если результатом массы были позитивные преобразования и массе отводилась реально значительная роль в истории, то политическая масса концептуализировалась позитивными метафорами. Равно, как и наоборот. В случае, если масса шла на поводу у конъюнктурных устремлений вожаков толпы, будучи обладая огромным потенциалом для актуализации собственной субъектности, концептуализация массы могла сводиться к уничижительным и пренебрежительным определениям. Во многом, вопрос концептуализации определяется и субъективным опытом. Позиция наблюдателя имеет огромное значение.

Памятуя о способности массы испытывать моментальную метаморфозу, склонность периодически менять собственное состояние, наряду со вкусами и политическими

пристрастиями, делает её достаточно опасным потенциальным актором. Власть может доминировать над массой только ситуационно. Многочисленные примеры из зарубежной и российской истории справедливо указывают на это.

Библиография

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. – М.: Добросвет-2000, 2002. – 176 с.
3. Бунин И. Октябрьские дни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335 с.
4. Восленский М. Номенклатура. – М.: Захаров. – 640 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Том 2. – СПб: Диамант, 2002. – 784 с.
6. Достоевский Ф.М. Идиот. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 560 с.
7. Канетти Э. Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
8. Карват М. Политическая субъективность больших социальных групп, политических организаций и индивидов. Модель объяснения. // Элементы теории политики. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – С. 72-94.
9. Кракауэр З. Орнамент массы. – М.: Ad Marginem Пресс, 2019. – 240 с.
10. Либералы о народе. Сборник. – М.: Европа, 2006. – 56 с.
11. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Азбука, 2017. – 608 с.
12. Люббе Г. В ногу со временем. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ, 2008. – 347 с.
14. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. – М.: Мысль, 1972. – 678 с.
15. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905-1913. – СПб.: ООО «Изд-во «Росток»», 2007. – 800 с.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. – М.: Правда, 1988. – 575 с.
17. Скиперских А. Персонифицированная легитимность // Свободная мысль. – 2005. - С. 191-204.
18. Статьи. Публицистика. Рецензии. Дело Бабефа. Очерк из истории Франции // URL: I. Статьи. Публицистика. Рецензии [1981--Из литературного наследия академика Е.В. Тарле] (historic.ru) (дата обращения 05.03. 2023).
19. Тодоров Ц. Дух Просвещения. Пер. с фр. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
20. Токвиль А. Старый порядок и революция. Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.
21. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика. Историко-философский очерк. – М.: Институт философии РАН, 2001. – 223 с.
22. Lakoff D., Johnsen M. Metaphors we live by. - London: The university of Chicago press, 2003. – 276 p.
23. Montgomery H. Stalin: the history of a dictator. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1971. – 679 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает феномен массы в политике: её основные свойства, функции, а также концептуальная рефлексия данного феномена в научной и публицистической литературе. Учитывая вполне очевидный факт омассовления современных обществ, которое было диагностировано ещё Х. Ортегой-и-Гассетом и детально проанализировано Э. Канетти, актуальность выбранной автором темы для исследования трудно переоценить. Однако общий стиль, который автор выбрал для презентации своей работы – излишне художественный, в крайнем случае, – философский, но недостаточно научный – снижает научную ценность полученных результатов. Красивые и звучные названия никак не могут компенсировать отсутствие теоретико-методологической рефлексии – чёткого описания научной проблемы, целей и задач исследования, а также того методологического инструментария, средствами которого эти задачи решались. Из контекста можно предположить, что в качестве теоретического базиса использовалась теория концептуальной метафоры и/или концептологии (на это указывает, например, авторское выражение «предпринятые нами концептуологические упражнения»), однако отсутствие в перечне литературы соответствующих ссылок на работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Э. Маккормака и др. специалистов в этой области вынуждает рецензента усомниться в высказанном предположении. В связи с этим автору необходимо доработать статью, тщательно отрефлексировав теоретико-методологический базис собственного исследования и надлежащим образом его задекларировав во вводной части статьи. Отсутствие теоретико-методологической рефлексии имеет следствием проблематичность научной новизны в рецензируемой работе. Некоторые из полученных автором результатов либо пусты (например, утверждение «политическая масса является неотъемлемым элементом политического целого» пустое в силу его предельной абстрактности), либо банальны (например, совершенно не нуждается в доказательстве тривиальное утверждение автора «в различные исторические периоды политическая масса играла ту роль, которую ей удавалось исполнять»). При этом реально интересные результаты остались за кадром: анализ концептуальных метафор, в которых рефлексировался феномен массы, вполне может претендовать на некоторую научную новизну. Но автор пренебрёг своей обязанностью резюмировать результаты исследования в чёткой и однозначной форме, выбрав литературное «вместо заключения». Из этого следует, что структуру работы также нужно тщательнее отрефлексировать, лучше связав между собой структурные элементы: на данный момент логика последовательности разделов не совсем очевидна. Кроме того, нужно писать не «вместо заключения», как это делается в художественной и философской литературе, а «заключение», где чётко резюмировать полученные результаты с акцентом на их научной новизне. Но самое слабое место рецензируемой работы – её стиль. В тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, просторечное «на контрасте»; или коллоквиализм «официальный планктон»; или стилистически неудачное предложение «Единодушие массы никуда не уходит в период демократизации после распада СССР»; и др.) и грамматических (например, отсутствие обособления запятыми вводного слова «видимо» в предложении «Видимо не просто так потребности плебса достаточно предсказуемы и низменны»; или написание со строчной буквы имени собственного в предложении «... Равно, как у платона, представители низшей старты...»; в этом же предложении мы видим лишние запятые и здесь же опечатка в слове «страты»; не требуется постановка

запятых и в предложении «В русской культуре массы концептуализируются, скорее, пренебрежительно», поскольку в данном случае слово «скорее» имеет значение сопоставления; неверно написано название исторического периода в предложении «...Общества Средних Веков могли получать...» (второе слово не должно писаться с прописной буквы, только первое); пропущен предлог «в» в предложении «...Замечание Р. Будагова о том, что первом академическом издании словаря...»; неверно написан производный союз «также» в предложении «...Оказалось, что масса так же не готова к серьёзным переменам...»; имеют место и несогласованные предложения, например «Бюрократическая массы скрепляется страхом подчинённого перед начальником»; и др.) погрешностей. Поэтому в таком виде публиковать текст нельзя. Употребление терминов за некоторым исключением (например, выражение «масса абсорбирует в себе уничтожительные определения» явно не соответствует общепринятым значениям глагола «абсорбировать» и употребляется автором скорее для красного словца) вполне корректное. В работе можно обнаружить некоторые концептуальные натяжки. Например, наличие у массы такого качества как «единодушие» (которое само нуждается в разъяснениях) автор объясняет склонностью обывателя обменивать свой политический голос на материальные ценности («за бутылку водки, за продуктовый набор, за определённую сумму денег»), что по его мнению, «отвращает массу от проигравшей оппозиции, решившей сыграть с государством по правилам самого государства». И из всего этого делается вывод об... отсутствии в России начала, объединяющего население в народ, например, национальной идентичности. Разумеется, никто из профессиональных политологов не согласится с развёрнутой автором логической связи. Хотя бы потому, что в приведённом примере речь идёт о явлениях не просто разных, а вообще трудно сопоставимых. Так, обмен голоса на материальные ценности вполне rationalen, поскольку как показано в политической науке, самым rationalным поведением избирателя в отсутствие материальных стимулов будет... уклонение от участия в выборах (Э. Даунс). Так что с точки зрения обывателя сделка «голос в обмен на бутылку водки» будет очень rationalной, и говорит не о принадлежности этого обывателя к массе, а о самом институте выборов. Никак между собой не связаны явления «проигравшая оппозиция» и обыватель, обменивающий свой голос. И уж тем более из этих явлений никак не следует отсутствие политической субъектности у населения России. Отнесение же к массе «армии бюджетников и офисного планктона» не только ошибочно, но и оскорбительно.

Библиография насчитывает 22 наименования и в достаточной мере препрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и содержит целый ряд ошибок по оформлению библиографического списка: в одних случаях используется тире (например: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.), в других случаях – дефис (например: Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 2.-М.: Мысль, 1972), да ещё и без пробела, в третьих случаях нет ни тире, ни дефиса (например: Люbbe Г. В ногу со временем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.) Есть ошибка в оформлении интернет-адреса электронного документа (Статьи. Публистика. Рецензии. Дело Бабефа. Очерк из истории Франции...). Есть вопросы и по содержанию библиографического списка. Например, неясно, зачем цитировать сборник трудов Э. Канетти, в котором публиковались только выдержки из работы «Масса и власть», если в 1997 г. в издательстве «Ad Marginem» выходил прекрасный полный перевод этого классического труда австрийско-britанского социального мыслителя. Таким образом, библиографический список также нуждается в доработке. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу проработки теоретико-методологического базиса исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её

подготовки можно квалифицировать в качестве научной работы, лишь частично соответствующей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. В целом, представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество» и вызовет интерес политологов, политических социологов, политических философов и студентов перечисленных специальностей. Однако работа нуждается в устранении целого ряда недостатков:

- во введении необходимо описать научную проблему, цель и задачи исследования, аргументировать теоретико-методологический выбор;
- в заключении чётко сформулировать полученные результаты с акцентом на их научной новизне;
- тщательно вычитать весь текст, устранив стилистические и грамматические ошибки;
- устранить ошибки в оформлении библиографического списка.

После устранения высказанных замечаний статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Политическая масса: метафоры и метаморфозы» предмет исследования – это масса как элемент общественной структуры и участник социальных отношений. Цель исследования в явном виде не обозначена.

Методология исследования базируется на ретроспективном анализе понимания массы, который позволяет рассмотреть данные феномены с учётом изменения во времени, начиная от античного периода до текущего момента времени. Источниковую базу для анализа оставили работы научного, публицистического и художественного плана. Для конкретизации понятие «масса» был применён компаративный анализ, позволивший соотнести многочисленные представления о сущности массы и выявить в них универсальные и контекстуальные аспекты.

Осмысление «массовости» как одной из важнейших характеристик современного общества, а также прояснение той неоднозначной роли, которую играет масса в общественной динамике, делает избранную проблематику важной и актуальной. В практическом отношении анализ специфики массы и её роли в структуре общества необходим для оценки изменений, происходящих в различных сферах общественной жизни. Повышенный интерес к исследованию масс определяется также тем, что дискурс о роли массы становится всё более отчётливым в современном мире.

Научная новизна публикации связана с классификацией масс, в ходе которой была выделена революционная и бюрократическая масса. Исследование показало, что масса является неотъемлемым элементом политического целого, которая играла различные роли в тот или иной исторический период (от ключевого политического актора, который менял государственный порядок, форму власти до безмолвной массы, которую заключают в лагеря, депортируют для освоения новых земель). При этом подобное «раздвоение» ролей массы служит распространению многочисленных метафор, связанных с ней. В работе показано, что если результатом массы были позитивные преобразования и массе отводилась реально значительная роль в истории, то политическая масса концептуализировалась позитивными метафорами. В противном случае, если масса шла на поводу у конъюнктурных устремлений вожаков толпы, концептуализация массы могла сводиться к уничижительным и пренебрежительным определениям.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью изложения. Содержание соответствует требованиям научного текста. Хотя обращает на себя внимание, что в некоторых случаях некорректно представлены чужие мысли, поскольку автор вкладывает свои мысли в уста других авторов (например, «Платон отводил массам самую низшую ступень в социальной иерархии», хотя Платон не писал о массах, а только о земледельцах-ремесленниках).

Статье присущ хороший уровень научной концептуализации. Однако, следует отметить большое количество различного рода описок и опечаток в тексте (например, «принципиально», «остраненность», «степени» и т.д.), неверной расстановкой знаков препинания (например, «И, наоборот. В какие-то ...»).

Библиография работы включает всего 23 публикации и включает издания как на русском, так и на иностранных языках. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Таким образом, статья «Политическая масса: метафоры и метаморфозы» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована после вычитки на предмет описок и опечаток в тексте, неверной расстановкой знаков препинания. Она будет представлять интерес для специалистов в области политологии, социологии политики и социальной философии.